

Е Юйчэнь снова загорелся энтузиазмом, жестикулируя и спрашивая:

— Младший брат, младший брат, какие приёмы ты использовал раньше? Они были так мощны!

Остальные тоже заинтересовались. Искусство управления мечом существовало давно, но на уровне Золотого ядра оно могло убить культиватора этапа Изначального младенца одним ударом и даже противостоять этапу Выхода из тела — это было поистине невероятно.

Хотя большинство культиваторов, шедших с ними, были учениками Цинь Гэ и имели хорошие отношения с Скорбными Небесами, Лу Нинчу лишь сказал, что эти приёмы можно постичь только после полного овладения техникой меча лютой стужи, намекая, что другим это не под силу.

Е Юйчэнь, как всегда, был очень отзывчив и мгновенно расстроился, пробормотав:

— Похоже, мне не суждено этому научиться...

Е Юйчэнь, возможно, не понимал, но Бай Ниюнь уловила намёк Лу Нинчу. Она тут же вмешалась:

— Ты только посмотри, какой у младшего брата талант. Если ты действительно завидуешь его силе, лучше усерднее тренируйся и меньше ленись.

Как только речь зашла о тренировках, Е Юйчэнь тут же замолчал и даже прикрыл уши, притворившись глухим, что вызвало смех у всех.

Дойдя до развилки, Лу Нинчу вдруг остановился и сказал:

— Я хочу купить сладостей, так что пойду отдельно.

Три дня прошло, и ему пора было забрать свои сведения в Келье Тысячи Журавлей.

Он обменялся ещё несколькими любезностями, отказался от предложения Е Юйчэня и других пойти с ним, и твёрдо пошёл своей дорогой.

А Почтенный Юлун всё это время молчал.

Он хотел поговорить с Лу Нинчу, но видел, что тот сейчас не хочет, чтобы его сопровождали.

Лу Нинчу шёл быстро, замаскировался в укромном месте и вошёл в Келью Тысячи Журавлей.

Владыка Тысячи Журавлей сидел на коленях перед столом, как и три дня назад, спокойно заваривая чай, словно конфликт при подписании мирного соглашения его не касался.

Лу Нинчу сел перед ним, и тот сначала подал чай, а затем конверт.

В конверте лежал тонкий квадратный кусочек нефрита — это был носитель информации Кельи Тысячи Журавлей, который можно было прочитать, наполнив духовной энергией. Лу Нинчу уже знал об этом, но его удивило, что в конверте также было журавлиное перо, белое с золотой вставкой.

Он взял перо, повертел его в руках, слегка приподнял бровь и спросил:

— Владыка Тысячи Журавлей, что это значит?

Владыка Тысячи Журавлей отпил чаю и мягко улыбнулся:

— Молодой человек, полный энергии и дерзости, с сердцем, преданным народу, и способностями, внушающими уважение. Мы восхищаемся вами. Это перо — символ доверия. Если вы сожжёте его, наполнив духовной энергией, Келья Тысячи Журавлей окажет вам помощь.

Это было ясным намёком на события, связанные с мирным соглашением.

Лу Нинчу не удивился, что его личность была раскрыта. В конце концов, Владыка Тысячи Журавлей был на этапе Преобразования духа. Кроме того, цена за раскрытие личности была невелика по сравнению с возможностью получить его помощь.

Он поклонился:

— Благодарю вас за вашу доброту.

Хотя он говорил о Келье Тысячи Журавлей, он благодарил его лично.

Владыка Тысячи Журавлей слегка удивился, понял намёк и снова налил Лу Нинчу чаю:

— Если вы действительно хотите отблагодарить, не могли бы вы развеять моё сомнение?

Лу Нинчу насторожился. Келья Тысячи Журавлей была крупнейшей организацией по сбору информации, и, казалось, не было ничего, чего бы они не знали. Если Владыка Тысячи Журавлей задавал вопрос, это, вероятно, касалось его секретов.

Однако, раз уж он уже принял его помощь, он ответил:

— Спросите, если я знаю, я расскажу всё.

Владыка Тысячи Журавлей, почувствовав его настороженность, мягко сказал:

— Я спрашиваю не о чём-то важном.

Он сделал паузу, улыбка в его глазах стала ярче, и он продолжил:

— Просто я слышал, что вы и Почтенный Юлун взаимно влюблены и близки. Не могли бы вы рассказать мне о происхождении Почтенного Юлуна?

Лу Нинчу чуть не поперхнулся чаем, который только что выпил, и тут же возразил:

— Владыка Тысячи Журавлей, не верьте слухам. Мы с Почтенным Юлуном просто друзья, и я не знаю его происхождения.

Владыка Тысячи Журавлей не стал настаивать, лишь слегка вздохнул с сожалением:

— Если вы не знаете, то ничего. Просто Келья Тысячи Журавлей уже несколько десятилетий пытается выяснить происхождение Почтенного Юлуна, и мне немного обидно.

Лу Нинчу не мог сказать ничего больше, лишь извинился:

— Прошу прощения, я не могу помочь.

Владыка Тысячи Журавлей снова улыбнулся, слегка покачал головой и сказал:

— Не беспокойтесь.

Он снова налил чаю и предложил:

— Пожалуйста.

После трёх чашек Лу Нинчу покинул Келью Тысячи Журавлей.

Услышав слова Владыки Тысячи Журавлей, он понял, насколько глубоко укоренилось недопонимание между ним и Почтенным Юлуном.

В этой ситуации он, естественно, заколебался, стоит ли продолжать претендовать на имя. Но, пробормотав себе под нос, он всё же почувствовал дискомфорт.

Если бы в мире было больше драконов, кроме Лун Юаня, это было бы другое дело. Но сейчас Лун Юань был единственным драконом, и слышать, как кто-то использует имя «Почтенный Юлун», было неприятно.

— Маленький бессмертный.

Когда он всё больше погружался в мысли, кто-то окликнул его.

Лу Нинчу поднял голову и увидел того самого старика, продающего сахарные яблоки, и маленького мальчика, который едва доходил ему до пояса. Мальчик, конечно, был внуком старика, и в отличие от прошлого раза, когда он тайком наблюдал за ним, его лицо теперь выглядело более здоровым.

Он остановился и улыбнулся:

— Дедушка, что вы хотите?

Старик протянул бумажный пакет, с благодарностью и немного смущённо сказал:

— Маленький бессмертный, я пришёл поблагодарить вас. Но у меня ничего нет, чтобы подарить, только это моё скромное умение, прошу не пренебрегать.

Лу Нинчу взял пакет, открыл его и увидел, что он полон сахарных яблок.

Старик, казалось, стал ещё более смущённым и поспешно объяснил:

— Маленький бессмертный, я выбрал самые большие и лучшие яблоки, они сладкие!

Лу Нинчу на мгновение застыл, а затем поспешил ответить:

— Я очень люблю сахарные яблоки, как я могу их не принять!

В пакете каждое сахарное яблоко было большим и сочным, ярко-красным и соблазнительным, сахарная глазурь блестела. Мальчик, увидев красные яблоки, даже выглянул из-за спины деда, где он прятался.

Сахарные яблоки, которые Лу Нинчу купил в прошлый раз, были не лучшего качества, некоторые яблоки были настолько кислыми, что сводили зубы. Позже, когда он посетил дом старика, он увидел, что оставшиеся яблоки были либо сухими, либо гнилыми, и мальчику приходилось есть только хорошие кусочки, срезанные с гнилых яблок. И хотя он морщился от кислого вкуса, он всё равно с удовольствием их ел.

Лу Нинчу заметил желание в глазах мальчика, присел, достал два сахарных яблока и с улыбкой сказал:

— Мальчик, хочешь сахарное яблоко?

Мальчик, сосав палец, хотел кивнуть, но дед остановил его:

— Дома ещё есть, это для маленького бессмертного.

Лу Нинчу немного смутился, снова покачал сахарными яблоками, чтобы подразнить мальчика:

— Если хочешь, кивни, и я тебе дам.

— Маленький бессмертный... — дед хотел возразить, но мальчик не смог устоять перед искушением и, поддавшись на уговоры Лу Нинчу, кивнул.

Лу Нинчу тут же улыбнулся, но вместо этого вручил пакет мальчику, а затем покачал двумя сахарными яблоками, которые достал, и сказал деду:

— Я принял ваши сахарные яблоки, значит, я принял вашу благодарность. Остальные угостите мальчика, не стесняйтесь!

Дед хотел вернуть, но Лу Нинчу убедил его, сказав, что будет спокоен только тогда, когда дед и его внук будут жить хорошо. После ещё нескольких слов благодарности дед наконец ушёл, неохотно покидая его.

Лу Нинчу смотрел, как они уходят, пока они не исчезли из виду, а затем повернулся и вошёл в резиденцию князя.

Этот старик и мальчик напомнили ему о девушке по имени Сяохуэй.

После гибели Скорбных Небес, но до встречи с Лун Юанем, он не остался совсем без доброты. Когда он был тяжело ранен и едва держался на ногах, его спасла маленькая девушка по имени Сяохуэй.

Сяохуэй была обычной девочкой, тринадцати лет, худой и маленькой, бродягой-сиротой. Но она не боялась его ауры смерти, не боялась его окровавленного тела, кормила и поила его, помогая пережить самые тяжёлые моменты после ранения.

Он был тогда сильно ранен, почти без духовной энергии, подобно простому смертному. Когда он смог ходить, он хотел уйти, но Сяохуэй настаивала, что он ещё не выздоровел, и не позволяла ему уйти. У Сяохуэй не было духовной энергии, но она обладала ловкостью, которая позволяла ей легко передвигаться в лесу, и он, ещё не восстановив силы, не мог от неё ускользнуть и был вынужден остаться.

Глубоко в лесу, вдали от людей, он провёл время, свободное от забот. Однако счастье было недолгим.

Лу Нинчу закрыл глаза, скрывая печаль и гнев.

<http://bllate.org/book/15302/1350289>